

Независимая газ. — 1999 — 20 янв. — с. 7
НАГРАДЫ — ЛУЧШИМ

В этом году обладателями премии Станиславского стали Марина Неёлова и Константин Райкин...

В минувшее воскресенье при большом стечении театральной и просто великосветской публики в зале «Атриум» отеля «Балчуг-Кемпински» прошла церемония вручения ежегодных премий Станиславского.

Церемония (в этом году приуроченная ко дню рождения Станиславского) — что уже тоже стало традицией — была выдержана в духе консервативного легкомыслия. Последнему способствуют сценарии Ивана Охлобыстина (он же и режиссер нынешней церемонии). Однако консерватизма на сей раз было больше и становилось тем больше, чем меньше текстов Охлобыстина читал ведущий церемонии Сергей Маковецкий. Выходы лауреатов перемежались музыкальными номерами. В конце церемонии состоялась премьера «Голубой рапсодии» Гершвина в аранжировке Олега Лундстрема. Партия фортепиано досталась Николаю Петрову, который с удовольствием ее и исполнил. Как уже писала «НГ», лауреатами премии стали Марина Неёлова, Константин Райкин, актриса и педагог Алла Покровская, драматург Николай Коляда, директор Международного театрального фестиваля им. Чехова Валерий Шадрин, историк театра Инна Соловьева, питерский режиссер Юрий Бутусов, драматург Михаил Рощин и чешский режиссер Отмар Крейча.

Марина Неёлова в роли Раневской.

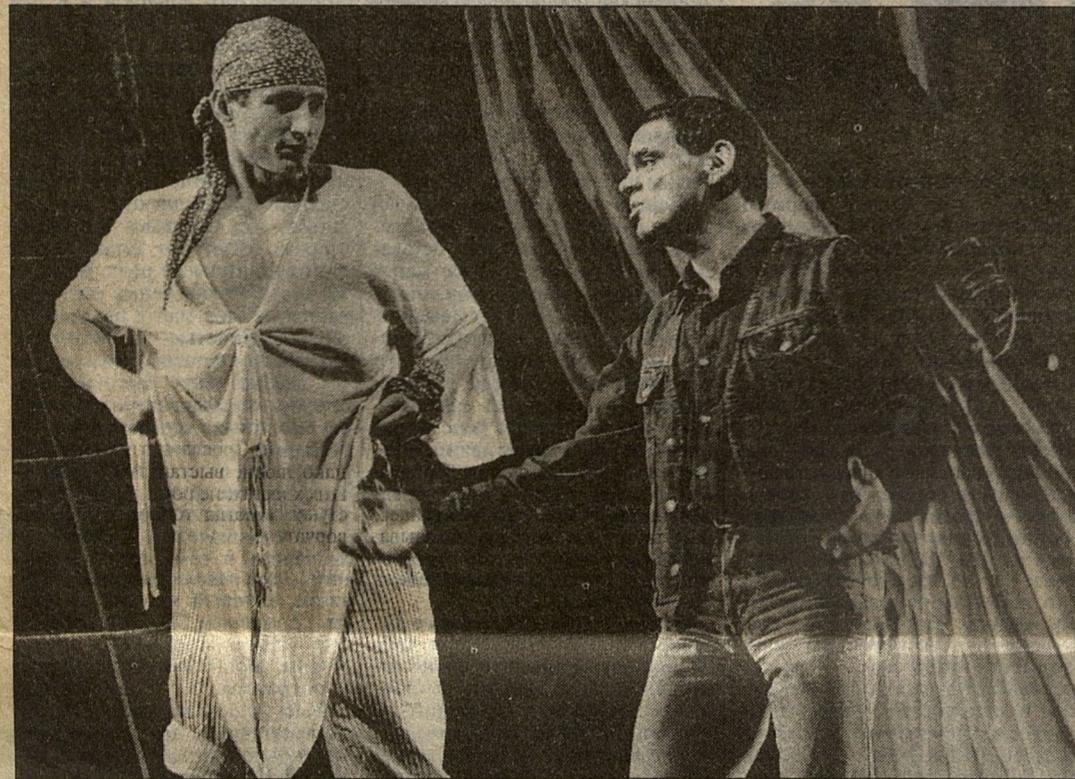
Григорий Заславский

В «ВИШНЕВОМ САДЕ» Галина Волчек возвращает Неёловой ее «позиции» — примы театра «Современник». Можно сказать по-другому — что Неёлова решительно завоевывает это никем, впрочем, вслух не оспариваемое ее положение (или неофициальное звание). Некоторое время назад казалось, что актриса из-за частых отъездов и возвращений отходит в тень, уступая дорогу другим, «молодым». Если бы не страдание, откры-

так жалко, как этот «живой» столик, перед которым она становится на колени.

Здесь все нервные, но Раневская нервна на грани истерики, и можно предположить, что первая попытка покончить с собой, как водится, не станет последней.

И фокусы Шарлотты здесь — только ради утешения Раневской. Шарлотта старается только для нее, бросает цветы к ее ногам и осыпает цветами с головы до ног, а Любовь Андреевна не смотрит даже, как появляются из-за плеча Варя и Аня, улыбается некстати дежурной, точно чужой, к ней случайно прилипшей улыбкой. В

Константин Райкин на репетиции спектакля «Кьоджинские перепалки». Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

тое, «чистое», вечное, по всем манерам и замашкам начала Раневскую можно было бы назвать эгозой, так возбуждена она, так готова к какому-нибудь эксцентрическому поступку или даже проступку. Может, кажется, сотворить что угодно — на удивление всем. И слова про «любовь к родине», и стихи, и слезы — все выражает крайности ее настроения. Медленный, но вполне еще крепкий Фирс кладет ей под ноги подушку, чтобы как-то смягчить ее нервность. А она снова вскакивает: *не могу усидеть, я не в состоянии! Я не перенесу... этой... радости...* И ужас в ее глазах. Сталкивается «нос к носу» со шкафом и вскрикивает: «Шкафик!» — и обнимает шкаф. — «Столик мой!» — и снова чуть ли не в слезы. Умершую няню не

изломе модерна она замерла в своем кресле, и только дрожат нервной дрожью колени, и два бокала в ее руках звенят, позвякивая друг о друга. Этот звон и всю эту сцену забыть невозможно, она, конечно, войдет в хрестоматию, и по ним будут учить секретам актерской профессии.

Наверное, Райкин сумел бы сыграть в пьесе Милана Кундеры и самого Господина, в пьесе безымянного. Но он играет Жака. Слугу Жака, который ничего не делает для того, чтобы ему сопутствовала удача, — не заигрывает с нею, не подмигивает, не шлет приветов, даже не заискивает. Удача, однако, сопутствует ему неизменно, звезды, фортуна и

черт знает что еще — все благоволяет ему. Так что и нынешняя премия, можно сказать, плывет ему в руки по инерции. Так уж он играет! Хорошо так, что премии и должны следовать за ним по пятам, как те самые грызуны, что повинуются дудочке... Впрочем, это совсем иная история — про другого героя-простака, который, как и положено таким персонажам, выходит сухим из воды.

Пьеса Милана Кундеры написана по роману Дени Дидро о Жаке-фаталисте и его Хозяине, она даже трогательно посвящена памяти великого француза. Чешско-французский писатель, правда, ограничил «хождение» своей пьесы, специально предупредив, что по-настоящему она может быть поставлена только в бедном, лучше — в студенческом театре.

Конечно, «Сатирикон» — не самый бедный московский театр. Но тут Райкин, кажется, был готов на любые жертвы. И не просчитался. В скромных декорациях, при полумраке, который редко переходит в «полуденный раздел» (будто бы и не были куплены «Сатириконом» какие-то умопомрачительные цветные огни), пыльным цветом расцвели актерские дарования. Сам Райкин давно уже так не играл, хотя в чем его точно нельзя упрекнуть, так это в экономии сил. Он всегда играет на полную катушку. Тогда правильнее будет сказать, что так он вообще еще не играл. Не в смысле так хорошо (хотя играет он очень хорошо), публика «заводи-лась» от добровольно им избранной «второстепенной» роли. Он ведь слуга, человек, который идет следом и скромно держится чуть-чуть в тени. Он и пытается быть таким. Другое дело, что сама судьба все время выталкивает вперед его героя. И наоборот: откидывает в сторону и — в кювет Господина. Он трогательно-победителен, он изящно-почтителен, он стеснительно-счастлив в этой новой своей работе.

Истории, точно позаимствованные из круга «Декамерона» и на тот счастливый мир, конечно, сориентированные, начинаются каждый раз как рассказ и лишь потом перерастают в игру, вызывая неизменное удивление Жака, всегда неготового к счастливому обороту событий. Темен путь, еще темнее будущее. Неизвестно откуда и неизвестно куда проходят (мимо не получается ни у того, ни у другого, только фортуна разная...) Жак — Константин Райкин с сундучком в руке и его Господин — Владимир Стеклов, налегке. Где «перед», где «зад» — неизвестно, поскольку нет раз и навсегда принятых координат, нет пути, который бы нельзя было пройти и так и эдак, спутав концы и начала... И только одно несомненно: что на пути «Сатирикона» это еще одна решительная и сокрушительная победа Райкина над зрителями и «ненавистной», но верной ему критикой.